

А. Ю. СЕРЕГИНА

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ ВИКОНТОВ МОНТЕГЮ И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЙСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА XVI–XVII ВЕКОВ¹

Вступление «молодого» аристократического рода на английскую политическую сцену, участие в управлении страной, а также и трансформация собственного политического и социального статуса в результате конфессионального конфликта XVI столетия предопределили осмысление членами семьи собственного положения и роли, какую они были призваны играть в обществе, и пере/интерпретации семейной истории.

Политические бури, захватившие Англию в XV в. – Столетняя война, войны Алой и Белой Роз – привели к существенному обновлению состава английской знати. Старые семьи были истреблены, их наследники погибли в бою или на плахе, а титулы были переданы новым носителям. Многие из них не могли похвастаться особо длинной или выдающейся родословной. Но если благородства крови не было, его следовало придумать, по крайней мере, подчеркнуть все имеющиеся, хотя бы отдаленные связи. Удревнение истории формирующихся знатных династий – общее место в истории тюдоровской знати.

В то же время ренессансная идеология подчеркивала другие аспекты благородства – личное достоинство, таланты и доблесть, проявленные на службе государю и стране. Благородство, конечно, выражалось и в христианских добродетелях ее носителя. Однако эта составляющая благородного статуса была существенно переосмыслена в эпоху Реформации. Теперь подлинное благородство знатного человека складывалось из нескольких компонентов – благородства крови, верной и доблест-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

ной службы королю и благочестия, выразившегося, во-первых, в правильном выборе «истинной» веры, а во-вторых, в готовности служить ей и приносить жертвы во имя нее.

Все три компоненты – происхождение, личная доблесть и конфессиональная принадлежность – проявлялись при формировании исторической памяти небольшой социальной группы – семьи виконтов Монтегю. Поскольку виконты не озаботились составлением некоей семейной хроники или иного единого текста, приходится обращаться к другим формам бытования групповой памяти, представленным в изображениях, надгробных надписях, биографиях, речах².

За полтора столетия (конец XV – середина XVII в.) Брауны проделали большой путь от купцов и мелких дворян до придворных аристократов, приобрела доверие монархов и вновь его лишилась. Как и всякая знатная семья, обретшая титул относительно недавно, Монтегю были озабочены семейной историей и обоснованием своего благородства. Однако способы подтверждения благородного статуса трансформировались под влиянием обстоятельств и, прежде всего, доминировавшего в истории столетия конфессионального конфликта.

Восприятие первым виконтом самого себя и своей семьи в качестве благородных дворян определялось двумя основными аспектами. Весьма важным для виконта было обоснование личных заслуг представителей его рода перед страной и королем, то есть, личного благородства. Об этом ясно говорил сам вид «родового гнезда» Монтегю – их замка в Каудрей (Сассекс). Монтегю были относительно новыми людьми в Сассексе, и именно поэтому пришельцы стремились утвердить свое положение с размахом. Гостей замка Каудрей встречала целая серия картин, заказанных еще его первым владельцем, сэром Уильямом Фицуильямом, графом Саутхэмптоном. Цикл приписывался кисти Ганса Гольбейна-младшего³ и отображал блестящие победы короля Генриха VIII над французами и другие важные

² Подробнее см.: *Сергина А. Ю.* Виконты Монтегю: семейная история в контексте конфессионального конфликта XVI в. // *Средние Века.* Вып. 71 (1-2). М., 2010. С. 223-241.

³ Так считали антиквары XVIII в. См. *A Catalogue of the Pictures at Cowdray. Portsmouth, 1777.* P. 5-7. Авторство цикла не установлено.

события этого царствования, в которых участвовал владелец замка. В 1545-48 гг. к этой серии картин был добавлен новый цикл исторических полотен, заказанных уже сэром Энтони Брауном⁴. Сами картины, к сожалению, не сохранились: они погибли в пожаре, уничтожившем резиденцию Монтегю в конце XVIII века. Однако сохранился изданный незадолго до пожара, в 1777 г., каталог картин, в котором указано, где именно висело каждое полотно. Кроме того, цикл 1545-48 годов был воспроизведен в гравюрах Джеймса Бейсайра в 1778 и 1788гг.⁵

Исторический цикл картин располагался в парадных комнатах – столовой и большой гостиной, где принимали посетителей. Те имели возможность увидеть такие полотна, как «Взятие Брая и Мондидье королем Генрихом», «Победа под Теруаном», увековечившие победы английского оружия в Нормандии во время кампании 1513 года, в которых участвовал будущий граф Саутхэмптон. На другой картине было изображено «Посольство к королю Франции» 1521 года, в котором также участвовал Уильям Фицуильям. Название полотна «Граф Саутхэмптон провожает императора Карла в Дувр» говорит само за себя: в нем отражены события 1522 года, когда император Карл V посетил Лондон. Еще два полотна были посвящены победам герцога Саффолка во Франции в 1523 г.⁶ Чарльз Брендон, герцог Саффолк, в 1506-1511 гг. был мужем сестры сэра Энтони Брауна и графа Саутхэмптона Энн, так что его вполне можно было считать членом семьи.

А в северной галерее висело примечательное изображение: «Генрих VIII (sic!) берет в плен короля Франциска I в битве при Павии»⁷. Конечно, Генрих VIII был союзником императора Карла V, но он не имел никакого отношения к победе при Павии. Однако Монтегю традиционно не любили францу-

⁴ Авторство цикла не установлено.

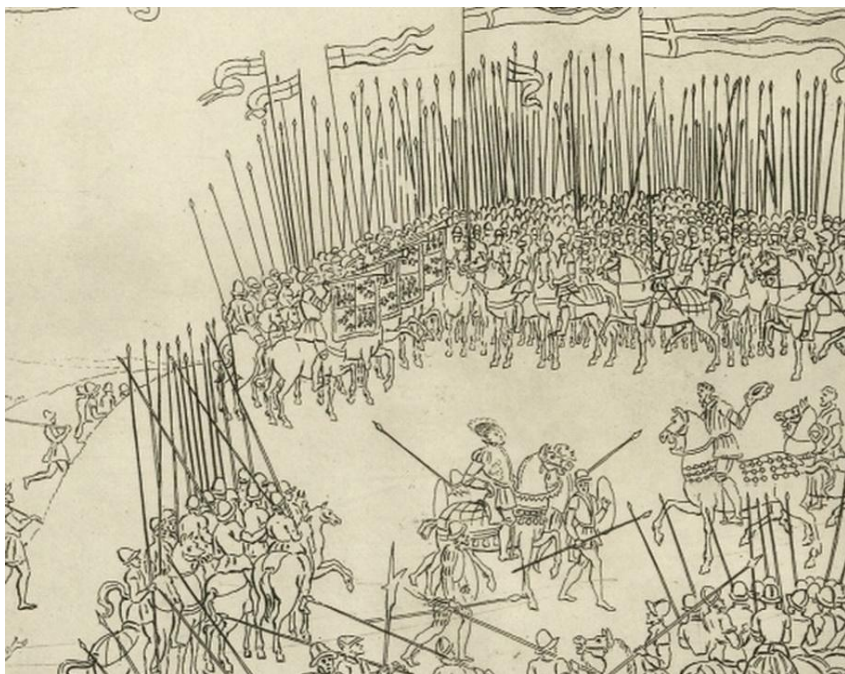
⁵ *Ayliffe J.* An account of some ancient English historical paintings at Cowdry, in Sussex // *Archaeologia*. Vol. 3. L., 1775. P. 239-272; *Nurse B.* Caption to item 113 // *Making History, Antiquaries in Britain 1707–2007, Exhibition Catalogue*. Society of Antiquaries / Ed. by D. Gaimster, S. McCarthy, B. Nurse. London. 2007. P. 156.

⁶ A Catalogue of the Pictures at Cowdray. Portsmouth, 1777. P. 5-6.

⁷ *Ibid.* P. 7.

зов и питали глубокое уважение к императору и его испанским потомкам; вероятно, поэтому, победа при Павии воспринималась ими и как отчасти их победа.

Цикл 1540-х годов был связан с событиями из жизни сэра Энтони Брауна. Он состоял из пяти полотен, четыре из которых представляли собой сцены из истории военных кампаний 1544 и 1545 г. – «Выступление Генриха VIII из Кале 25 июня 1544 г.», «Лагерь Генриха VIII под Маркизоном, июль 1544 г.» и «Осада Булони, 1544 г.» На первом из этих полотен сэр Энтони изображен приветствующим своего монарха; на двух других его невозможно идентифицировать, но там присутствует знамя семьи Браун.



Илл. 1. Сэр Энтони Браун приветствует короля Генриха VIII близ Кале. Деталь гравюры «Выступление Генриха VIII из Кале 25 июня 1544 года» Дж. Бейсайра. 1788. Верхний правый угол.

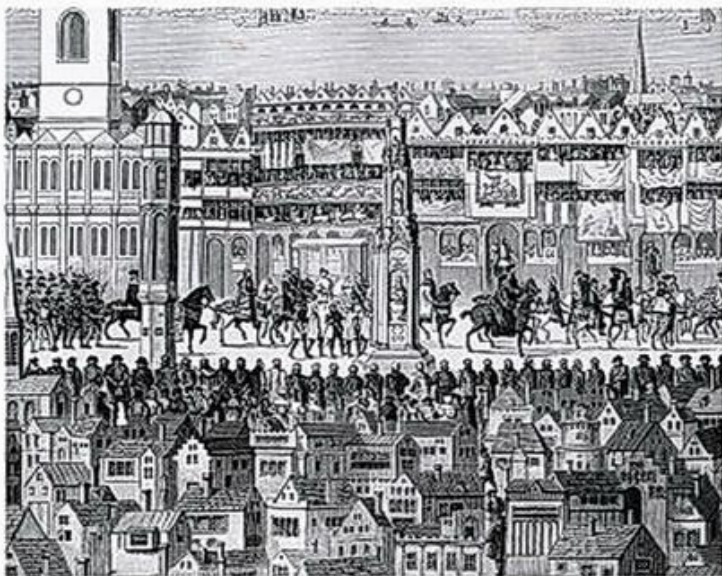
На полотне «Лагерь английской армии под Портсмутом, с видом на английский и французский флот в начале сражения 19 июля 1545 г.» сэр Энтони изображен в центре полотна; вместе с Чарльзом Брендоном он сопровождает короля (илл. 2).

Наконец, последняя картина цикла изображала коронационную процессию Эдуарда VI (19 февраля 1547 г.), в которой сэр Энтони участвовал в роли королевского конюшего (илл. 3).

Виконт Монтегю явно гордился достижениями своих предков и родственников. Все они были обязаны своим положением службе королю и личным достоинствам. Однако было бы неверным предположить, что происхождение и благородство крови не имело для виконта значения. Напротив, он претендовал на родство со старой, до-тюдоровской знатью. Выбор титула в данном случае говорит о многом – по женской линии скромное семейство Браун происходило от Невиллов, одного из самых старых родов королевства. При этом выбор титула подчеркивал не только знатность рода нового виконта, но и его верность Марии Тюдор и католичеству – ведь именно за это в царствование Генриха VIII пострадал лорд Монтегю.



Илл. 2. Сэр Энтони Браун сопровождает Генриха VIII в лагере под Портсмутом. Деталь гравюры «Лагерь английской армии под Портсмутом» Дж. Бейсайра. 1778. Центр.



Илл. 3. Коронационная процессия Эдуарда VI. 1547г. Деталь гравюры Дж. Бейсайра. 1778. Центр.

И в последующие десятилетия служение своим монархам и открыто провозглашавшаяся верность католичеству определяла представление первого виконта о себе и собственной роли аристократа. Так, в уже цитированной речи, произнесенной им в парламенте 1559 года, он публично заявил о своей приверженности католической вере: «вере, которую я исповедовал при моем крещении, когда я стал членом мистического Тела Христова, и поклялся верить в святую католическую церковь, возлюбленную невесту Христову; в единстве с ней я буду спасен или проклят»⁸. Однако в целом его выступление

⁸ The Speech of the Lord Vicount Montacute in the p[ar]liament house primo Elizabethae Reginae / Ed. T. McCann // The Parliamentary Speech of Viscount Montague against the Act of Supremacy, 1559 // Sussex Archaeological Collections. 1970. Vol. 108. P. 53: “Religion ye wch I professed in my baptisme, wher I was made a member of Christs Misticall bodie, and vowed to beleeve the oly Catholique Churche, as the spowse and only beloved of Christe, by unitie in the wch I am to be saved, or damned”.

выдержано не полемическом стиле; виконт выступал не в роли богослова, но как аристократ-политик, выполняющий свой долг перед государыней и страной во имя общего блага: «Это место – высший совет королевства Англия, а я вызван сюда предписанием для того, чтобы давать советы относительно важных дел, касающихся государя, церкви и королевства Англии. Господь поставил знатных людей над всеми прочими именно для того, чтобы они больше других заботились о чести и безопасности государя и страны и готовы были принести себя за них в жертву⁹».

Речь виконта ясно указывала на то, что свою политическую роль виконт понимал как непосредственное участие в управлении страной. Его верность католичеству, от которого страна и королева официально отказались, не казалась ему препятствием к исполнению долга аристократа¹⁰. В подобной же роли лояльного советника-католика виконт выступил и в 1563 г., в другой публичной речи.

Благородство крови и верность католичеству также объединялись в семейной легенде Монтегю, а порой и озвучивались публично. Так, в 1572 году в Монтегю-Хаусе в Саутворке (южный пригород Лондона) имело место театральное представление (маска), приуроченное к двойной свадьбе наследника виконта и его дочери. Сэр Энтони Браун женился на Мэри Дормер, а брат невесты Роберт Дормер вступил в брак с Элизабет Браун. Текст маски был написан известным поэтом Джорджем Гаскойном. В ходе представления перед публикой появлялись рыцари-венетианцы, принесшие вести о победе

⁹ Ibid, 55: ‘y^e place being the highest and supreme Councell of this Realme of England: and I being by wrytt summoned to be p[re]sent and to give counsaile in matters of waighte, touching the prynce, Church and Realme of England, wherfore nowe hath god placed Noble men to be in dignite before others, but to this end that they shoulde be more carefull of the honour and saftye of the Prynce and Coutrie, then others, and for any of theis to be ready and willing to sacrifice themselves’.

¹⁰ См. *Серегина А.Ю.* Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI – начала XVII в. // *Социальная идентичность средневекового человека/ под ред. А.А. Сванидзе и П.Ю. Уварова.* М., 2007. С.218-219.

христианского (католического) оружия над турками в битве при Лепанто. Путешественники говорили о борьбе против турок, о стойкости христиан, причем политический корректный текст о сражении против турок можно было достаточно легко прочитать как аллюзию на подчинение католиков в Англии неверным – протестантам. Так, прибывший с венецианцами молодой человек заявляет:

... Я – не иностранец,
но английский юноша, рожденный в Англии и возвращенный здесь.
Мой отец – рыцарь по имени Монтермер,
Моя мать – из славного рода Монтегю¹¹.

Далее он объясняет, что оказался в Средиземноморье, так как вместе с отцом отправился сражаться против турок. Чтобы сделать это, отец расстался со своими землями:

Он купил свою свободу землями и расстался со своим имуществом,
Его ценой были две тысячи сверкающих золотых цехинов...
Я признаю: лучше продать земли, чем в рабстве прозябать.
Ведь земли можно приобрести снова,
но однажды утраченной свободе
Нельзя найти равное ей возмещение.
Теперь я сам это знаю, ведь как и мой отец,
Я недавно утратил свободу¹².

Последние строки можно считать намеком на страдания плененных турками христиан, но у собравшихся в Саутуорке английских католиков могли возникнуть совсем другие аллюзии. Еще более очевидным намеком на положение католиков в Англии являются следующие строки:

Отец (как я сказал) решил оставить свои земли
В залог родне жены за звонкую монету¹³.

¹¹ *Gascoigne G. A Hundreth Sundrie Flowres. L., 1573. P. 383: 'I am no stranger I./But english boy, in England borne, and bred but even hereby./ My father was a knight Mount Hermer was his name./My mother of the Montacutes, a house of worthy fame.*

¹² *Ibid. P. 384: 'He bought his libertie with lands and let his goodes ago./Zechines of glittering golde, two thousand was his price/ <...> Yet I confesse them better solde, than like a slave to pine./For lands may come againe, but libertie one lost/ Can never finde suche recompence, as countrevailes the cost./Meselfe now knoe the case of who like my fathers lot, / Was like of late for to have lost my libertie god wot'.*

Английским католиком, покидавшим страну по религиозным мотивам, часто приходилось прибегать к подобным ухищрениям, чтобы предотвратить конфискацию имущества. Ведь отъезд из страны без разрешения приравнивался к государственной измене. Передача же владений в траст родственникам (с тем, чтобы они по прошествии времени передали земли наследникам доверителя) была распространенной уловкой, к которой прибегали католики. Таким образом, в тексте присутствует совершенно очевидное указание на конфессиональную принадлежность Монтегю.

Далее по ходу представления выяснилось, что лишившемуся отца (погибшего в битве при Лепанто) удалось встретить венецианцев, один из которых – представитель знатного рода Монтекки – признал его своим родственником:

Суровый венецианец услышал, как звучит славное имя
Монтегю, давно прославившееся
В Италии, и он сам происходил от этого достойного рода,
Обратился ко мне с множеством учтивых слов, обнял меня
Поцеловал в щеку, обрадовав меня,
возблагодарившего Бога за все, что случилось,
И признал, что сам он – Монтегю,
И носит тот же герб, что на моем щите.
В подтвержденье он показал, что на его шляпе
Знак, который всегда носят Монтегю,
Чтобы их всегда можно было отличить от Капулетти¹⁴.

¹³ Ibid.: ‘My father (as I say) enforste to leave his lande / In mortgage to
my mothers kinne, for ready coine in hande’.

¹⁴ Ibid. P. 390: ‘This grave Venetian, who hearde the famous name / Of
Mountacutes rehersed there, which long had ben of fame / In Italy, and he of
selfe same worthie race, / Cam straight with many courteous words in armes
me to embrace, / And kissed mee in my cheeke, and had me make good
cheere, / And thanke the myghtie God for that whiche hapend there, / Con-
fessing that he was himself a Mountacute, / And bare the selfe same armes
that I did quarter in my scute: / And for a further prooffe, he shewed in his hat,
/ This token whiche the Mountacutes do beare always, for that / They covet to
be knowne from Capels where they pass’. В XV–XVI вв. имя Монтегю по-
английски часто писалось ‘Montacute’ или ‘Mountacute’, созвучно ита-
льянскому имени Монтекки. Уподобление Монтекки и Монтегю и упоми-
нание о вражде итальянских «Монтегю» с «Капеллами» – Капулетти в
тексте Гаскойна вполне могло послужить источником для Шекспира,

Следует отметить, что родословная виконта Монтегю в тексте маски удревняется: он претендует на происхождение от баронов Монтермеров – рыцарей нормандского происхождения, получивших титул в конце XIII в. Для англичан XVI века, разбиравшихся в родословных, была очевидна вся дерзость подобной претензии: Ральф де Монтермер получил титул барона только после того, как тайно женился на Джоанне Акрской – вдове Гилберта де Клера, графа Хартфорда и дочери короля Эдуарда I. Таким образом, льстец Гаскойн подчеркивал, что в жилах современных ему Монтегю текла кровь Плантагенетов.

А благодаря уподоблению Монтегю и Монтеки выстраивалась линия, связывавшая английских Браунов – виконтов Монтегю не только с древним английским родом, но и с европейской аристократией, причем аристократией католической, готовой сражаться и приносить жертвы во имя своей веры.

Тем не менее, для первого виконта верная служба католика своей правительнице, а не претензии на древность рода, составляла основу его представления о себе как об английском аристократе. Именно такой образ был представлен в памфлете 1591г., посвященном визиту королевы Елизаветы в Каудрей (14-20 августа).

Вечером 14 августа 1591г. (в субботу) Елизавета прибыла в Каудрей, представлявший собой укрепленный манор¹⁵. У ворот ее встретили привратники, обратившиеся к ней с приветственной речью. В ней, помимо прочего, присутствовал прозрачный намек на то, что, несмотря на различие в религии,

ведь его патроном долгое время был не кто иной, как граф Саутхэмптон – внук первого виконта, сын его дочери Мэри, родившийся в Каудрей. Сестра первого виконта, Мэри Браун, леди Грей, во втором браке стала женой сэра Генри Капелла из Рейн-Холла (Эссекс). Возможно, в использовании имен Монтегю и Капелл обыгрывается какой-то конфликт между двумя семьями, разрешенный браком. Капелл был родственником маркиза Винчестера, отношения которого с Монтегю в конце 1560-х гг. дошли до разрыва; возможно, будущий родственник виконта был каким-то образом вовлечен в ссору.

¹⁵ Подробнее о визите Елизаветы I в Каудрей см.: *Серегина А. Ю.* Католическое гостеприимство: визит королевы Елизаветы I в Каудрей // Мир Клио. Сборник статей в честь Л. П. Репиной. Т.1 // Под ред. А. Г. Суприянович. М., ИВИ РАН. С. 357-373.

виконт является верным подданным королевы: «Что же касается владельца этого дома, моего благородного лорда, то его язык – ключ к его сердцу, а его сердце – замок его души. Поэтому Вы можете сразу верить тому, что он говорит. А именно, что в понимании своего долга по отношению к Вашему Величеству и в служении Вам он превосходит всех, и ни уступит никому в молитвах о Вашем счастье»¹⁶.

В своей краткой ответной речи Елизавета отдала должное верности виконта. Она «сказала, что готова поклясться – нет более верного ей человека»¹⁷. После этого королеве были переданы ключи от дома, и она вошла внутрь, предварительно обняв встречавших ее у порога леди Монтегю и ее дочь, леди Дормер.

На следующий день (воскресенье) после литургии, совершенной по англиканскому обряду, королева отдыхала, а в понедельник охотилась. Во вторник, после торжественного обеда королеву вновь развлекали речами и представлением, во время которого снова была затронута тема верности. Среди деревьев был разыгран диалог между Пилигримом (намек на католического священника – испанского шпиона)¹⁸ и дикарем, сидевшим у подножия дуба. Пилигрим жаловался на то, что дикарь не дает ему пройти по парку. Дикарь же привлек внимание своей аудитории к дубу, на ветвях которого были размещены гербы всех дворянских семей графства. В своей речи

¹⁶ The honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdreie in Sussex, by the Right Honorable the Lord Montecute. L., 1591. Variant A. P. 3: 'As for the owner of this house, mine honourable Lord, his tongue is the keie of his heart; and his heart the locke of his soule. Therefore what he speakes you may certainlie believe; which is, that in duetie and service to your Majestie, he would be second to none; in praieing for your happinesse, equall to anie'.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Honourable entertainment. Variant A. P. 6. Элизабет Хил считает, что присутствие Пилигрима может указывать на стремление представить и католическое духовенство в свите Монтегю полностью лояльным королеве, а также предполагает, что одним из авторов текста маски мог быть иезуит Роберт Саутуэлл, однако это утверждение недоказуемо. См. Heale E. Contesting Terms: Loyal Catholicism and Lord Montague's Entertainment at Cowdray, 1591 // *The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I* / Ed. by J. E. Archer, E. Goldring, S. Knight. Oxford, 2007. P. 189-206.

дикарь сказал, что дуб и его ветви с гербами изображают силу и счастливое правление Ее Величества: Сила заключается в количестве и благородстве [дворян], счастье – в их верности и согласии... Стеной этого графства является море; укрепленное же верными сердцами, оно непобедимо...»¹⁹.

Далее он продолжал: «От имени милорда [Монтегю – А. С.], а также всех благородных лордов и джентльменов, чьи гербы видит здесь ее Величество, я могу сказать, что подобно тому, как кровеносные сосуды, распространяющиеся по всему телу, в ту минуту, когда сердце охвачено страстью, посылают ему всю кровь ради успокоения, так и эти живущие в разных местах люди, если только Ее Величество окажется в опасности, отдадут ей свои тела, имущество и души. Ведь она – их сердце, глава и Повелительница. Здесь проход закрыт...»²⁰.

Таким образом, Монтегю гарантировал королеве верность и готовность защищать пределы страны от имени местного дворянства. Фактически, он узурпировал право говорить от лица Сассекса.

Эта тема развивалась и на следующий день, хотя теперь речь шла уже не о дворянстве, а о простолюдинах. На этот раз королеву у рыбного пруда развлекали речью рыбаки. Они жаловались на притеснения со стороны нечестных купцов и лордов – и одновременно заявляли о своей верности: «Верные сердца так же хороши, как и полные кошельки; они нерв войны, но первые – ее оружие»²¹.

¹⁹ Honourable entertainment. Variant A. P. 6: 'The Oke, from whose bodie so many armes doe spread; and out of whose armes so many fingers spring; resembles in parte your strength & happinesse. Strength, in the number and the honour; happinesse, in the truth and consent <...> The wall of this shire is the sea, strong, but rampired with true hearts, invincible'.

²⁰ Ibidem: 'For himself, and all the honourable Lords, and Gentlemen, whose shieldes your Majestie doeth here beholde, I can say this, that as the veines are dispersed through all the bodie, yet when the heart feeleth any extreme passion, sende all their blod to the heart for comfort: so they being in divers places, when your Maiestie shall but stande in feare of any danger, will bring their bodies, their purses, their soules, to your Highnesse, being their heart, their head, and their Sovereigne. This passage is kept straight...'

²¹ Ibid. P. 11: 'Yes, true hearts are as good as full purses, the one the sinewes of war, the other the armes'.

На следующий день королеву ожидали народные танцы. «В четверг королева обедала в саду вместе с лордами и леди, сидя за столом в 48 ярдов длиной. Вечером простые жители графства предстали перед Ее Величеством и исполнили танец под флейту и тамбурин. Среди них были и Лорд Монтегю и его супруга»²².

Примечательно, что на этот раз лорд и леди Монтегю не остались вместе со зрителями, а присоединились к танцующим крестьянам. Они были отделены от королевы визуально – большим столом, за которым сидели гости, и который Монтегю покинули для того, чтобы присоединиться к танцующим. Таким образом, создавалось противопоставление – королева / двор и Монтегю / Сассекс.

Именно этого эффекта, на мой взгляд, и добивался виконт. На время визита королевы он фактически присвоил себе право говорить от имени графства, выставляя себя в роли его естественного лидера. Перефразируя, его идею можно представить во фразе «Сассекс – это я». Соответственно, именно с ним и должна была иметь дело Елизавета, когда ей требовалось что-то от жителей графства. И, поскольку виконт представлял себя в образе лидера и посредника, именно к нему должны были обращаться и местные дворяне, желавшие добиться благосклонности королевы или же просто решить какой-то практический вопрос.

Текст речей, произнесенных в Каудрей, был опубликован уже осенью 1591 года. Сохранилось два экземпляра данного памфлета; оба они находятся сейчас в Британской библиотеке (Лондон)²³. Внешне они очень похожи; их выходные данные

²² Honourable entertainment. Variant B. P.11: 'On Thursday she dined in the privie walks in the garden, and the Lordes and Ladies at a table of 48 yardes long. In the evening the cuntrye people presented themselves to his Majestie in a pleasant daunce with Tiber and Pipe and the Lord Montague and his Lady among them'.

²³ The speeches and honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by ... the Lord Montacute. London: printed by Thomas Scarlet, to bee solde by William Wright, 1591; The honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by the Right Honorable the Lord Montecute. London: printed by Thomas Scarlet, to bee solde by William Wright, 1591.

идентичны – оба экземпляра были отпечатаны Томасом Скарлетом по заказу лондонского книготорговца Уильяма Райта, имевшего лавку во дворе Собора Св. Павла в Лондоне²⁴. Гравюры на титульном листе также идентичны. Тем не менее, это два разных издания. Они слегка различаются правописанием – имя виконта Монтегю в них воспроизводится по-разному (*Montacute* и *Montecute*). Есть и текстологические различия.

Вариант А (BL С.33.d.11) содержит тексты речей и баллад, однако он короче, и его автор в конце объясняет, что не присутствовал лично в Каудрей. Вариант В (BL С.142.dd.23) длиннее, поскольку в нем приводятся практические детали увеселения – например, количество съеденных быков и гусей, оленей, убитых на охоте, и т.п. Подробнее описываются и действия королевы и хозяев поместья, а также их родственников и прочих гостей. Подобная информация могла исходить от очевидца – скорее всего, члена свиты виконта, непосредственно участвовавшего в подготовке королевского визита.

Кертис Брейт опубликовал текст памфлетов в приложении к своей статье²⁵, однако в его публикации оба текста искусственно объединены, что затрудняет их анализ. Кроме того, Брейт даже не попытался объяснить существование двух вариантов издания.

Можно предположить, что тексты речей и баллад были отосланы в Лондон, где и были опубликованы (вариант А), а чуть позднее в рукопись были внесены добавления, вероятнее всего, кем-то из домочадцев виконта (вариант В). Возможно и другое объяснение существования двух вариантов текста. Благодаря наличию текста аудитория, способная узнать о том, какая честь была оказана виконту, расширилась, включая многих его соотечественников, а также единоверцев в Англии и за ее пределами. Вероятно, именно стремлением максимально увеличить эту аудиторию объясняется как решение опубликовать памфлет, посвященный королевскому визиту, так и появление двух версий. Вариант В, наполненный деталями организации

²⁴ О Томасе Скарлете и Уильяме Райте см. *A Dictionary of Printers and Booksellers, 1557–1640*. L., 1910. P. 236, 303.

²⁵ *Breight C. Caressing the Great*. P. 160-163.

приема, был скорее интересен местным джентльменам, или по крайней мере, тем, кто жил в Англии и постоянно ориентировался на хитросплетения дружбы и родства. Вариант А мог предназначаться католикам за пределами страны.

Те же самые мотивы – верность католицизму и преданная служба королеве – были развиты виконтом и в его речи, произнесенной перед дворянами графства Сарри осенью 1591 г. и ставшей, вместе с памфлетом того же года, по сути, его политическим завещанием. В ней виконт подчеркивал, что его род вознесен за верную службу монархам-Тюдорам, и в благодарность ему – лояльному католику – дано право исповедовать католицизм: «Я, как вы знаете, джентльмен из замка Бетчворт. Признаю это. Король был так добр и милостив к моему отцу, что вознес нас на почетное место. Я признаю, что это произошло по великой милости Божией, и смиренно благодарю его за это. С тех пор я всегда жил, как человек чести, и пусть кто-либо обвинит меня в том, что это ложь. Таким я и умру. Я не угнетал никого, ни держателя, ни кого другого. Я сослужил ее величеству хорошую службу за морями и повсюду. Я почитал ее (как она знает) в дни королевы Марии, когда я был королевским советником и лордом-лейтенантом графства, в котором я живу, но оставим это. Она знает мою совесть, знает худшее обо мне. <...> Она знает также, что мое сердце верно ей. Я нахожу ее милостивой государыней и получаю из рук ее величества необычайный дар, свободу моей совести. Ибо я признаю перед всеми вами, что я – католик в своей вере, которую держу при себе. Я не стремлюсь привести к этой религии никого, будь то ребенок или слуга, но позволяю им следовать совести, как Бог направит их ум»²⁶.

²⁶ Woking, Surrey History Centre, Loseley MS. 1856. P. 2: 'I am a gentleman as youe knowe borne in this sheare, comme of the younge house from Betchworth Castell I confess yt. In pleased the Kinge to be so good & gratyous to my father, & me, as to rayse us up to a place of hounnor, all thus I acknowledge & confess to come of godes greate goodness, I humblye thanke him for yt. Ever sythens I have lyved lyke an honest man, let anye man chardge me with the contrarye, & so I will dye. I have oppressed no man tenant nor other; I have donne her maiestie good service bothe beyounde seas & else wheare. I stood her in somme steede (as she knoweth) in Quene

Речь виконта не была напечатана, однако циркулировала в рукописи. Сам виконт предназначал ее для такой публикации, отмечая: «Я знаю, мои речи разнесут далеко, и мое желание в том, чтобы стать известным за пределами страны так же, как я известен ее величеству»²⁷.

Таким образом, основной составляющей идентичности первого виконта была его государственная служба, верность стране и монарху, а католическая вера и знатное происхождение были хотя и весьма важными, но все же не первостепенными компонентами. Монтегю был прежде всего политиком, к чему его звал долг, определявшийся происхождением, и он предпочитал игнорировать тот факт, что конфессиональная принадлежность могла поставить его политическую карьеру и/или верность монарху под вопрос.

Сохранившиеся портреты первого виконта Монтегю доносят до зрителя именно этот образ государственного деятеля. На портрете кисти Ганса Эворта, написанном в 1569 г., виконт предстает перед нами с мечом – как то подобает аристократу – и со знаками ордена Подвязки, указывавшими на его высокий статус²⁸ (см. илл. 4).

maryes dayes when I was of the pryvye councell & Lyvetennaunt of the sheare where I dwelt but let that fall to the grownde. She knoweth my conscience she knoweth the worst of me <...> She knoweth also my faythfull & loyall ,harte. Towards her. I fynde her my gracious prynce & doo receive at her maiesties handes an extraordinary favor, the freedom of my conscience. For I confess before youe all that I am a Catholyque in my religion which I keepe to my self; I seeke to drawe no man to that religion, neather childe, nor servant, but let them doo theyr consciences therein as god shall putt in theyre myndes'. См. *Questier. M. Loyal to a fault. P.250-251*

²⁷ Ibid. P.3-4 [Ouestionier M. Loyal to a fault. P.253]: 'I knowe these speeches of myne will be bruted farre, and my desyer is to be aswell knowen abroad as I am to her maiestie her self'.

²⁸ *Strong R. Tudor and Jacobean Portraits. Vol. I. National Portrait Gallery. L., 1969. P.224-226.*



Илл. 4. Ганс Эворт. Портрет Энтони Брауна, виконта Монтегю. 1569. Национальная Портретная Галерея, Лондон.

Подобным же образом – с цепью ордена Подвязки – он изображен и на посмертном портрете, который теперь находится в коллекции маркизов Эксетер (Бёрли-хаус). Его акварельная копия 1848 года кисти Джорджа Хардинга также хранится в Национальной портретной галерее (Лондон)²⁹.



Илл. 5. Джордж Гардинг. Копия портрета виконта Монтегю кисти неизвестного художника. Национальная Портретная Галерея. Лондон.

²⁹ Ibid. P.226.

Второй виконт, Энтони Мария Браун, весьма внимательно относился к своей знатности и своему статусу, а точнее, к тому, как она воспринималась окружающими. В 1595 г. он был вовлечен в конфликт относительно того, чей ранг выше – его, виконта Монтегю или Томаса Ховарда, младшего сына герцога Норфолка. В обстоятельствах дела пришлось разбираться комиссии, состоявшей из лорда Бёрли (лорда-казначея), лорда Ховарда из Эффингэма (лорда-адмирала) и лорда Хансдона (лорд-камергер), и в итоге виконт проиграл³⁰.

Примерно тогда же виконт составил подробное описание своей свиты, с указанием должностных лиц и круга их обязанностей, явно следуя образцам таких описаний, относящихся к королевскому двору³¹. Знатному дворянину следовало содержать большую свиту, и виконт уделил немало внимания тому, как должны выглядеть и держаться служащие ему джентльмены, и в каком порядке они рассаживаются за столом. В тексте детально расписывается порядок подачи блюд к столу виконта (вплоть до количества поклонов и места в зале, где и их следовало делать)³². Примечательно, что виконт отказался от старого порядка, согласно которому глава дома, его семья и свита собирались в большом зале для совместной трапезы. Виконт, его семья и гости принимали пищу отдельно, в своих покоях.

Немаловажным было и то, как свита виконта выглядела вне дома, сопровождая его в столицу, или во время поездок по стране. Так, гофмейстеру виконта предписывалось в таких случаях ехать или идти впереди торжественной процессии с непокрытой головой; однако в присутствии графа, маркиза или герцога ему надлежало покрыть голову³³. Свита должна была быть вооружена: «Я желаю, чтобы сопровождая меня по улицам Лондона, или прислуживая мне за столом, мои джентльмены всегда носили свои ливреи и имели на боку добрые

³⁰ BL, Stowe MS 1047. F.264v.

³¹ A booke of orders and rules established by me Anthony Vizcount Mountague for the better direction and governemente of my howseholde. 1595 // *St. John Hope W.H.* Cowdray and Easebourne Priory. L., 1919. Appendix II. P. 119-134.

³² Ibid. P. 133.

³³ Ibid. P. 125.

шпаги или рапиры. Я желаю, чтобы они поступали так же, когда же я нахожусь за пределами столицы, по всем большим праздникам, на Рождество, Пасху, Троицу, по случаю великих собраний и в другое время, согласно моему приказу»³⁴.

В отличие от своего деда, второй виконт не участвовал в делах управления страной в силу своей конфессиональной принадлежности. Возможно, именно поэтому он столь чувствительно относился к вопросам статуса – ведь его невозможно было подтвердить традиционным способом, через участие в управлении, военной и дипломатической службе.

Второй виконт был склонен подчеркивать благородство своего происхождения. В составленной в 1615 г. родословной были упомянуты все знатные предки леди Люси Невилл, вплоть до XI в., ее связи с семьями Монтермер, и де Клер, и даже с Плантагенетами. Знатные фамилии, с которыми Монтегю породнились в XVI в., да и младшие члены семьи не были указаны в родословной, так как целью составления этого документа было показать древность рода³⁵. Таким образом, происхождение стало более важной составляющей благородства для второго виконта, чем для его деда. Но доминирующей в семейной истории постепенно становится конфессиональный аспект.

Когда к 1604 г. молодому виконту и его единоверцам стало очевидно, что для них политическая карьера могла открыться только в результате компромисса с совестью, Монтегю выбрал для себя иную роль – лидера английских католиков. Его претензии были обнародованы в парламентской речи 1604 года.

Из текста этой речи отчетливо видно, что виконт противопоставляет себя всей палате. Он все время использует местоимения «вы» (лорды, отождествляющиеся с гонителями-

³⁴ Ibid. P. 131: 'I will, that when they attende upon me in the streetes att London or att my table there, they be allwayes in their lyveries with hand-some swords or rapiers by their sidesЖ and the like I will that they doe in the cuntrye, att all solempne feastes, as Christmas, Easter, Whitsontyde, great meetinges, and such other tymes, as I shall specyally appoynt'.

³⁵ BL, Harleian MS 1195. F. 1-4. Родословная не вполне точна: она показывает Монтермеров потомками нормандского рода де Клер, однако это неверно. Джоанна Акрская была вдовой Гилберта де Клер, а не его дочерью.

протестантами) и «мы» – католики. И хотя виконт, произнося свою речь, вроде бы тоже выполнял долг «по отношению к Богу и стране»³⁶ (не монарху!), по сути, он выполнял свой долг перед своими собратьями-католиками и просил (довольно вызывающим образом) милости по отношению к ним: «Я говорю... из долга по отношению к моим братьям, которые вместе со мной являются членами одного тела»³⁷. И самого себя виконт представляет главным образом как католика, защищающего единоверцев: «Говори католик, говори смело и уверенно, и не бойся никакого противника ... Не бойся никого из людей, но знай, что Бог готов помочь тебе, и бойся Его»³⁸.

Таким образом, виконт обращался не столько к членам палаты, сколько к католикам вне парламента. Его адресат – не парламент, но единоверцы; для них предназначен образ защитника веры. Фактически, парламентская речь виконта была его заявкой на роль лидера католического сообщества, готового говорить от его имени³⁹.

Именно этот образ лидера католического сообщества, представляющего его перед монархами и папой, а также и третейского судьи в случае конфликтов в рядах католического духовенства, присутствует и на страницах посланий виконта, адресованных клирикам, кардиналам и папе (1605–1629 гг.), и его трактате «Апологетический ответ» 1628 года, обосновывавший позицию Монтегю в конфликте, касавшемся епископа Ричарда Смита.

О доминировании конфессиональной компоненты в идентичности второго виконта говорит и надпись, выбитая по его приказу на надгробии деда, возведенном в церкви Мидхёрста (сейчас находится в Избурне).

³⁶ Bodleian Library, MS Engl. TH.b.2. P. 845: “the dutie that I owe both to God & my countrye”.

³⁷ Ibid. P. 846: “I speake ... out of the dutie wch I owe unto all my brethren wch in one & the same bodie are with me fellowe members”.

³⁸ Ibid. P. 845: “Speake Catholique, speake boldly and counfydently & feare no adversarie: Feare nowe no man, knowing that god is ready to give assistance, & feare him”.

³⁹ См.: Серегина А. Ю. Католик или политик? Парламентская речь виконта Монтегю (1604 г.) // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2. С. 351.

Здесь лежит тело благородного сэра Энтони Брауна, виконта Монтегю, главного знаменосца Англии, рыцаря Ордена Подвязки, старейшиной которого он являлся на момент смерти, члена благородного Тайного Совета королевы Марии. Он, происходивший по линии бабушки, леди Люси, дочери и наследницы, от Джона Невилла, маркиза Монтегю, был щедро одарен добродетелями истинной знати. Он закончил жизнь, будучи 66 лет от роду, в своем доме в Хорсли, что в Сарри, 19 октября 1592 г., на 34-м году правления нашей правительницы, королевы Елизаветы.

Этот благородный человек, в 1553 г., был отправлен королевой Марией в благородное посольство в Рим, вместе с доктором Тёрлби, епископом Илийским. Это поручение было выполнено к его великой чести и похвале. Через два года после этого он служил королеве Марии в качестве лейтенанта Ее Величества в английской армии во время осады Сен-Кантена.

В 1559 г. королева Елизавета отправила его в посольство в Испанию, к королю Филиппу, и подобным же образом в 1565 и 1566 гг., к герцогине Пармской, бывшей тогда регентом Нидерландов. Все эти поручения он выполнил мудро и благородно, служа Богу, государю и стране⁴⁰.

В приведенном тексте присутствуют все составляющие благородства: знатное происхождение, личные достоинства,

⁴⁰ *Scott S. D. Cowdray House and its possessions // SAC. Vol. 5. 1857. P. 189: 'Here lyeth the bodie of the Right Honourable Sir Anthonie Browne, Viscount Mountague, Chief Standard Bearer of England, and Knight of the Honourable Order of the Garter, whereof he was ancient at his death, and one of the Honourable Privie Councell to Queen Marie, who as he was noblye descended from the Ladye Lucye, his grandmother, one of the daughters and cohayres of Lord Iohn Nevill, Marques Mountague; so he was perfectly adorned with all the virtues of the Nobilitye. And in the 66 yere of his age he ended his days at his Howse at Horsley in Surrey, the 19 of October, 1592; and in the 34 yere of the rayne of oure most soveraigne Lady, Queen Elizabeth.*

This honourable man, in the yere 1553, was employed by Queen Marie, in an honourable Ambassage to Rome, with Doctor Thyrlbye, Bissope of Elye, whiche performed to his great honor and commendation; and the second yere after he served Queen Marie, as Her majesties Livtenant of the English Forces, at the Siege of St Quentines.

In the yere 1559, Queen Elizabeth sent him Ambassador into Spain to Kinge Philipp, and likewise, 1565 and 1566, to the Duches of Parma, then Regent of the Lowe Countries, all which he effected both wyselye and honourablye to the service of God, his Prince, and Countrie'.

проявленные на службе государю, и верность религии. Однако последний компонент, не выраженный явно, на деле оказывается решающим. Ведь если посмотреть на перечисленные эпизоды карьеры виконта, оказывается, что достойна упоминания лишь служба католической королеве. Служба королю Эдуарду – протестанту, не упоминается вообще, а когда речь заходит о Елизавете, в списке оказываются лишь посольства к католическим государям, но не длительная служба в роли лорда-лейтенанта Сассекса (которой сам первый виконт гордился)⁴¹.

Наконец, в 1627 г. была издана биография леди Монтегю – бабушки второго виконта. Оригинал представлял собой расширенную версию надгробной проповеди, произнесенной в 1608 г. Ричардом Смитом, капелланом покойной виконтессы. Этот вариант был издан на латыни в 1609 г. в Риме в типографии Джакомо Маскарди⁴². В 1611 г. текст был переведен на немецкий язык как «Зерцало женщин»⁴³. Английский перевод был заказан самим виконтом автору – епископу Смиуту, который, в свою очередь перепоручил его капеллану виконта, монаху-бенедиктинцу Катберту Ферсдону (1602–1638)⁴⁴.

«Жизнь леди Монтегю» была смоделирована по образцу житий свв. жен и вдов – Свв. Паулы, Марцеллы и Моники⁴⁵, что должно было указывать если не на святость, то на исклю-

⁴¹ Должность лорда-лейтенанта упоминается в его речи 1591 года. См.: Woking Surrey History Centre, Loseley MS. 1856. P. 2 [Questier M. *Loyal to a Fault*. P. 251].

⁴² *Vita ... Dominae Magdalenaе Montis-Acuti in Anglia Vice-Comitissā*. Apud J. Mascardum. Romæ, 1609.

⁴³ *Frawenzimmer Spiegel, das ist: Das leben der... Frawen Magdalena Marggräfin zu Scharpffenberg ...* In Lateinischer Sprach beschriben, und jetzo ... auff unser teutsche Sprach ubersetzt. Bey Chrysostomo Dabertzhofer. Augspurg, [1611].

⁴⁴ *McCann T. J.* “The Known Style of a Dedication is Flattery”: Anthony Browne, 2nd Viscount Montague of Cowdray andd His Sussex Flatterers // *RH*. Vol. 19. 1988. P. 396, 402-403.

⁴⁵ *Smith R.* *The Life of the most honourable and virtuous Lady Magdalen, viscountesse Montague*. St. Omer. 1627. Preface to the Reader (unpaginated). См.: *Серегина А. Ю.* Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI–XVII веков // *Адам & Ева*. Вып. 15. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 58-59.

чительное благочестие виконтессы. Оно отбрасывало свой отблеск и на внука, который «впитал истинный вкус ее добродетелей и сделался наследником ее благородных свойств»⁴⁶.

Одна из глав (4) посвящена мужу героини, первому виконту Монтегю. Поскольку текст относится к жанру благочестивых биографий естественно ожидать, что большая часть внимания будет уделена христианским добродетелям виконта. Однако мудрое управление – тоже добродетель, которая могла бы быть упомянутой. Но именно этого в тексте и не найти. Виконт Монтегю представлен здесь борцом за дело католичества в Англии. Он пострадал за верность ему при короле Эдуарде:

Этот благочестивый юноша не пожелал запятнать себя этим ужасным преступлением [ересью – *A. C.*], но подобно новому Товию, стремился ходить на мессу, как это делали его родители, молиться частным образом и публично, и с должным почтением часто ходил к мессе. Отправленный за это в тюрьму, он не пришел в уныние, но украсил свою камеру гобеленами, тем самым показав своим тюремщикам, что он, как Даниил, скорее станет жить в тюрьме, нежели перестанет ходить на божественную литургию⁴⁷.

Именно поэтому ему впоследствии была оказана величайшая честь:

Он был избран королевой для того, чтобы отправиться послом к папе и, в стремлении получить прощение за схизму прошлых лет, обещать повиновение в будущем от имени всего королевства. Он это выполнил, заслужив хвалу, к чести нации, во славу Божию и к радости всего христианского мира⁴⁸.

⁴⁶ Ibidem. Epistle dedicatory (unpaginated): ‘your Lo[rds]h[is] hath sucked the true tast of her Vertues, and made your selfe an heyre of her Honorable talents’.

⁴⁷ *Smith R.* The Life of Lady Montague. P. 10: ‘this pious youth would not stain himselfe with such haynous crime; but like an other Tobias sought out the service of God, practiced by his Parents and both devoutly, and publicly, and with due reverence frequented the same. For which matter being committed to prison, he was so far from being dejected therewith, that adorning his chamber with tapestry, he therby gave his persecutors assurance, that his purpose was, rather with Daniell to live in prison, then to abstaine from the divine service of God’.

⁴⁸ Ibidem: ‘He especially was chosen of that Queen to goe Ambassador to the Pope, and desiring pardon of the schisme past, to promise future obedi-

Из всех достижений времен королевы Елизаветы упоминаются только выступления в парламенте (1559 и 1563 гг.) в ходе дебатов по религиозным вопросам⁴⁹. Таким образом, первый виконт превратился в защитника интересов английских католиков, а в семейной истории закрепилось доминирование конфессиональной, католической компоненты.

Эта трансформация отражается и в визуальном образе – портрете братьев Монтегю, написанном Исааком Оливером в 1598 г. (илл. 6). На нем изображены второй виконт в центре) с братьями Джоном (слева) и Уильямом (справа). Они находятся в комнате – возможно, в большой галерее Каудрея⁵⁰. Братья стоят рядом, обнимая друг друга и сплетая руки. На заднем плане справа изображен слуга-джентльмен, член свиты виконта. Братья одеты довольно сдержанно (для людей своего положения), и вооружены лишь кинжалами. Их поза – определенная заказчиком – напоминает иконографию трех граций, и соответственно, прочитывается вполне традиционно – как аллюзия на согласие, единство и верность, в данном случае не только семье, но и католической вере⁵¹.

Исследователи указывали на сходство иконографии портрета с портретом братьев Колиньи – гравюры 1579 года работы Марка Дюваля. В данном случае речь идет о сознательной имитации – Оливер вполне мог видеть гравюру Дюваля. Тогда портрет может прочитываться как символ единства приверженцев гонимой религии, объединенных узами родства, клиентскими отношениями (слуги) и общей верой. А отсутствие

ence in the name of the whole kingdome. Which he performed to his exceeding prayse, the honour of his nation, the glory of God, and the applause of the Christian World?.

⁴⁹ Ibid. P. 11. О речах первого виконта Монтегю см.: *McCann T.* The Parliamentary Speech of Viscount Montague against the Act of Supremacy, 1559 // SAC. Vol. 108. 1970. P. 50-57.; *Dodd's Church History*. Vol. II. P. ccli-ccliv; *Серегина А. Ю.* Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI – начала XVII в. // Социальная идентичность средневекового человека / Под ред. А. А. Сванидзе, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 231-225.

⁵⁰ *Hearn K.* *Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England, 1530–1630*. L., 1996. P. 134.

⁵¹ *Strong R.* *Artists of the Tudor Court*. L., 1983. P. 272.

мечей может указывать на то, что английские католики, в отличие от французских гугенотов, не представляли военной угрозы для государства⁵².

Портрет можно рассматривать и просто как символ единства английских католиков – с семьей Монтегю во главе⁵³.



Илл. 6. *Братья Брауны. Исаак Оливер. 1598(?). Бёрли-хаус траст. Музей Фицвильям, Кембридж.*

⁵² *Trull M. Constructing Privacy: The Montague Family and the Performance of Household affect'* (в печати). Цит. по: *Questier M. C. Catholicism and Community*. P. 243.

⁵³ *Questier M. C. Catholicism and Community*. P. 243.

Таким образом, семейная история Монтегю и представление о том, какую роль призваны играть ее члены, подверглась существенной переработке в течение XVI–XVII вв. На протяжении жизни первого виконта Монтегю в ней, безусловно, доминировал образ аристократа – политика и воина, занимающего подобающее ему положение в иерархии власти. Однако эта интерпретация в конце XVI века уступила место иной. В образе виконта Монтегю подчеркивалась преимущественно католическая составляющая; он был, прежде всего, католиком, а уже потом английским дворянином. Представляя себя в качестве лидера английского католического сообщества⁵⁴, второй виконт Монтегю стремился оправдать свой выбор, переосмысливая и переписывая семейную, династическую историю.

⁵⁴ См.: *Серегина А. Ю.* Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей // *Адам & Ева*. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 136-137.